

Н. В. Мальчукова

СУБЪЕКТНОСТЬ В ОСМЫСЛЕНИИ ЯЗЫКА И ПРОБЛЕМА ДОВЕРИЯ К ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ИМ ОБЪЕКТАМ

Рассматривается проблема достоверности языкового представления действительности. Анализируется понятие «субъектность», дается типология субъектности. Развивается лингво-семиотический подход к истолкованию методов и средств воспроизведения научными системами познаваемого объекта.

Ключевые слова: язык, доверие, объект, субъектность.

SUBJECT-REALIZATION IN LANGUAGE ANALYSIS AND A PROBLEM OF TRUST TO OBJECTS REPRESENTED BY LANGUAGE

The problem of reliability of language representation is considered. The notion of "subject-realisation" is analysed; the typology of subject-realisation is given. The linguistic-semiotics approach to interpretation of methods and means of cognisable object reproduction by scientific systems is developed.

Key words: language, trust, object, subject-realisation.

Язык представляет собой некоторую модель той или иной области реальности и является интеллектуально-знаковой системой, рассчитанной на доверие к представляемым ею объектам, свойствам и отношениям. Как знаковая система язык обладает семиотической природой, и проблема доверия к его семантическому пространству на предмет соответствия объектов этого пространства объектам независимой реальности типична для всего языкового континуума, т. е. языка сенсорного воспроизведения действительности, вербального языка общей коммуникации и его модификаций в рамках естественнонаучного и социально-гуманитарного общения. Тем не менее, особенно типична эта проблема для так называемых содержательных теорий, т. е. таких, которые в конечном счете замкнуты на эмпирический материал.

Как предмет обсуждения эта проблема не нова. Она очень активно обсуждалась в теоретической лингвистике, философии языка, теории познания, принимая довольно обобщенный вид – соответствия между языком и реальностью, взаимной обусловленности одного другим (языка миром или мира языком). Известны радикальные варианты решения этой проблемы (теории лингвистической относительности, логический позитивизм, лингвистическая философия), претендующие на обоснование универсальной мировоззренческой позиции и задающие соответствующие познавательные установки. Однако следует иметь в виду, что любые варианты решения данной проблемы основой своей имеют осмысление не только отноше-

ния языка к миру (объекту), но и отношения языка к человеку (субъекту), объяснение которых невозможно без обращения к таким понятиям, как «субъективное» и «объективное», «субъективная реальность», «субъективность» и «субъектность».

Традиционно в философии под субъективным понимается то, что свойственно субъекту или производно от его деятельности (зависимо от него), в отличие от объективного, т. е. того, что принадлежит объекту, не зависит от субъекта, существует вне и независимо от сознания человека. Именно такое представление о субъективном и объективном развивается в марксистской философской традиции, где мысли, чувственные образы, внутренние побуждения субъекта понимаются как реальность субъективная, т. е. как то, что существует «во мне», в отличие от того, что существует «вне меня» и понимается как объективная реальность (реальность материального мира)*. Необходимо при этом иметь в виду, что понятие субъективного может также выступать как характеристика знания, выражающая те моменты, в которых знание не вполне точно и всесторонне воспроизводит свой объект (вплоть до полного его искажения). При таком понимании субъективного проявляется гносеологический аспект проблемы соотношения субъективной реальности и объективной реальности (в отличие от онтологического аспекта, фиксирующего необходимость выявления природы и сущности этих реальностей), когда реализуется стремление уже в самом знании, являющемся субъек-

тивной реальностью, выделить субъективные и объективные стороны.

Интересно то, что в отечественной философской мысли уже указывалось, что при анализе явлений субъективной реальности (а именно ценности и оценки) недостаточно использовать только понятия «субъективное» и «объективное», а необходимо также использовать понятия «субъектный» и «объектный»: «Если объективное есть зависимое от объекта, а субъективное – зависимое от субъекта, то объектное есть относящееся к объекту, соотносящееся с объектом, обретающее свое качество в этом соотношении, а субъектное – соотносящееся именно с субъектом, связанное с ним, проявляющееся при обязательном участии субъекта. Все, что связано с деятельностью субъекта, – субъектно, но далеко не все субъективно. Здесь существуют разные типы отношений. В этом смысле предмет, результат, орудие труда объективны и одновременно субъектны, т. е. имеют качество предмета, результата, орудия труда в соотношении с субъектом, но не объективно-субъективны. Аналогичным образом дело обстоит и с ценностями, которые также носят объектно-субъектный и одновременно объективный характер» [2, с. 36]. Таким образом, приведенная цитата позволяет заключить, что понятие «субъектный» является конкретизирующим более общее понятие субъективного (т. е. зависимого от субъекта, вне него не существующего).

Совершенно очевидно, что язык есть явление субъективной реальности, т. е. он произведен от субъекта, зависим от него, вне него не существует и в этом смысле он субъективен и противопоставлен реальности объективной. Язык субъективен также и в том смысле, что он не вполне точно и всесторонне воспроизводит свой объект (вплоть до полного его искажения). И в то же время язык субъектен, причем субъектен не только в том смысле, что его свойства проявляются при обязательном участии субъекта, но и в том смысле, что свойства субъекта раскры-

ваются в языке: становление и развитие языка связано со становящейся и развивающейся в нем субъектностью. Понятие субъектности в данном случае определяется как волевая и интеллектуальная свобода субъекта в сфере языка. И оно в свою очередь конкретизирует понятие «субъективность», т. е. способность субъекта осознавать собственное существование, отличать «Я» от «не-Я».

Субъектность в языке есть эволюционно выработанное специфическое лингвистическое и интеллектуальное отношение, которое со стороны интеллектуальной проявляется в четком выделении субъекта как носителя (автора) действия, а со стороны лингвистической – в выделении в изначально единых словах-предложениях четко выраженного подлежащего и сказуемого (логически – субъекта и предиката), в появлении разного рода парадигм, деиктической лексики и т. д. Этот уровень субъектности может быть назван базисной субъектностью.

Новый уровень субъектности, который с определенной долей условности может быть назван суперсубъектностью, представляет собой целую серию типов рефлексивного отношения человека к языку, а следовательно, к своим интеллектуальным возможностям: переосмысление слов и их преобразование, метафора, выявление смысловых инвариантов, несобственная прямая речь и др. Реальное проявление субъектности как эволюционирующего свойства языка (естественная субъектность) явилось базой субъектности в осмыслении языка (теоретическая субъектность), которая проявляется в разных языковых теориях и может быть определена как оценка меры оправданной волевой и интеллектуальной свободы субъекта в сфере языка.

Обращая внимание на теоретическую субъектность, следует учитывать ее историческую эволюцию, а значит – необходимость выделять исторические типы субъектности. Итак, субъектность исторически первого типа, которую можно назвать классической или

реконструктивной, успешно реализовала себя практически с древности и до XIX в. Ее философскими основаниями стали «субстанционализм» и «атомизм» в общих воззрениях на язык, следствием чего явилась именная теория языка: язык как инвентарь словесных единиц – словарь с соответствующими определенными значениями, которые следует уточнять, избегая полисемии и неопределенности, и применять в соответствии с правилами грамматики. Данные взгляды являются результатом понимания языка как некоей субстанции, представляющей собой совокупность находящихся в четко структурированных отношениях слов-атомов, имеющей заданные, четко определенные границы, за которые человек не может и не должен выходить. В практике лингвистического анализа языка, соответственно этой ориентации, содержание любой языковой конструкции, как правило, рассматривается путем расщепления ее на первичный, объективный, якобы зависящий не от субъекта, а от свойств денотата предметно-логический план, и вторичный, зависящий от намерения и состояния субъекта, а также его ассоциаций, мотивов и т. д., т. е. субъективный план.

Та теоретическая традиция, которая ведет свое начало с философии языка В. Гумбольдта, предварительно может быть названа универсально-конструктивной. Именно в его философии обретает право гражданства идея о представленности мира в языке посредством субъекта (национального и индивидуального) и обратной зависимости субъекта от языковой картины мира. Обе стороны этой зависимости получили впоследствии разное освещение (от теорий лингвистической относительности и манипулирования субъектом со стороны языка до произвола субъекта в сфере языка). Между этими трактовками и по настоящий день не найдена гармония. Но важно другое. Представление о картине мира, которую носитель культуры – субъект – конструирует в языке и представление о возможности выхода за очерчиваемые ею гра-

ницы (межнациональное общение) становится возможным благодаря новой философской основе: осознанию безграничности (универсальности) языка – раз он одновременно соотнесен с многообразием проявлений и изменений субъекта и миром, которому потенциально соразмерен. Язык как код должен быть признан более устойчивым, но именно для того, чтобы обеспечить оправданность конструкции. Конструкция же должна главенствовать. Вот почему новую ориентацию мы называем универсально-конструктивной. Возникают языковые теории с явным акцентированием конструкции (герменевтика – Ф. Шлейермахер, В. Дильтей, Х.-Г. Гадамер, теория языковых игр – Л. Витгенштейн (поздний период) и его ученики и последователи – П. Стросон, Дж. Серль, Д. Вандерверкен и др.). В герменевтике – это тезис о постоянной интерпретации текстов, подлинность границы которой, как правило, всегда относительна. В теории игр – представление о неопределенностно-вероятностных вариантах языковых конструкций, тем не менее обеспечивающих понимаемость сообщений и эффективность практического общения. Даже поздние структурально ориентированные теории, пропагандирующие деконструктивизм в форме метафизики принципа «в языке есть все», неявно подразумевают бесконечность возможностей конструкции, хотя в то же время отдают субъекта во власть чистой случайности и оставляют конструкцию за самим языком **. В рамках этой теоретической ориентации язык как совокупность рационально-понятийного и эмоционально-оценочного признается субъективным по отношению к окружающему миру, к объекту, так как является специфически человеческим субъективным способом взаимоотношения человека с миром, а объективным – по отношению к каждому отдельному человеку и человечеству в целом, так как на нем говорили и говорят все поколения, передававшие его друг другу до настоящего времени, реализуя общечеловеческую языковую способ-

ность. Таким образом, язык, являясь изначально субъективным, объективен не потому, что дает представление о действительности так, как она существует независимо от человеческого сознания, а потому, что многими поколениями признавалось: картина мира, запечатленная в языке, есть адекватное отражение действительности.

Если оставить в стороне крайности обоих подходов к определению специфики языка, реализующих разные исторические типы субъектности, то можно утверждать, что доверие к языку – весьма общее эпистемологическое отношение, говорящее о том, что в языке репрезентировано некоторое независимое (объективное) положение вещей (хотя и субъективным образом, т. е. в категориях человеческого мышления) и притом так, что эта репрезентация способна обеспечить человеку ориентировочный эффект в определенных пределах. В целом доверие скрывает в себе, если говорить семиотическим языком, знаковое отношение, т. е. отношение знаковой формы к объекту (семантика) и отношение человека к тому и другому. Доверие в данном случае не предполагает натуралистического восприятия языка в духе того, что в его семантике объект представлен именно таким, каким он существует в действительности. Понятие доверия заведомо допускает такой «интервал разрешимости» языка по отношению к объекту, в котором возможны как оптимумы воспроизводимости, так и нулевая степень ее. В последнем случае языку все равно приходится доверять, пока не будет обнаружен этот нулевой предел.

Важным основанием доверия к языку является его парадигматическая сторона. Язык в целом представляет собой сочетание парадигм. В естественном языке это парадигмы склонения и спряжения, порядок словообразования, с помощью которых передается некоторый порядок реальных отношений и свойств. Система научного языка, усваивая частично эти парадигмы, заботится прежде всего о целостной логике – связности

основных понятий и законов, отображающих реальные упорядоченности. Поэтому для нее важна целостная семантическая парадигма, т. е. своеобразная интеллектуальная конструкция. В естественных языках парадигмы представлены различно, но при этом не имеет смысла утверждать, что парадигмы склонения и спряжения английского языка по сравнению, например, с русским более объективно и точно обеспечивают воспроизведение обыденных реалий. В то же время сравнение парадигм научных теорий (научных языков) оказывается в целом ряде случаев далеко не беспочвенным. Сегодня в методологической литературе и в философии науки общепризнанным считается положение, согласно которому, скажем, релятивистская (квантовая) физика является языком, несравненно более мощным и гибким в воспроизведении реальности, чем скажем язык классической физики ***.

В этой связи имеет смысл обратиться к проблеме бинарных оппозиций, которые известны в практике обыденного общения и инициировали последующее развитие интеллектуальных систем, обеспечивая общий духовный и практический прогресс. Не имеют большого смысла пространственные ссылки на то обстоятельство, что уже с древних времен оппозиционная бинарность играла важную роль в организации человеческого мышления, а параллельно и в практическом поведении человека. Вполне естественным образом обычные контрадикторные и контрарные отношения возникают в практике повседневного общения и имеют обыденное происхождение (горячее – холодное, сухое – влажное, многое – немного и т. п.). На этой основе складываются предельные оппозиции: мужчина – женщина, добро – зло, инь – ян, которые сначала в мифологии, а позднее в философии и развитой науке приобретают значение всеобщих трансцендентальных форм. Общеизвестна да и, можно считать, общепризнана роль в этом философской деятельности таких мировых мыслителей, как И. Кант,

И. Г. Фихте, Ф. В. Й. Шеллинг, Г. В. Ф. Гегель, К. Маркс, Ф. Энгельс. Велика здесь и общая заслуга всей марксистской философской традиции. Благодаря этому указанные оппозиции предстают, с одной стороны, как некоторые предельные интеллектуально-языковые формы анализа реальности, а с другой – как предельно широкие характеристики организации и существования самой этой реальности. Данные формы составили основу диалектической философии (диалектической логики) и методологии. В соответствии с гегелевской философской традицией они выступают как проявление или как конструкция так называемых диалектических законов.

Если отвлечься от всегда возможной произвольной игры в противоречия (а даже весьма завышенные нормы такой произвольной игры оказываются не только уместными, но и высокоэффективными в области искусства), от ходульных парадоксов, и обратить внимание на развитие науки, то безусловно, придется признать инвариантное значение предельных форм противоположностей, реализуемых трансформирующимися языками науки.

Проблему контрадикторно-контрарных форм имеет смысл философски анализировать тем более, что современная философия науки приходит иногда к таким небезынтересным сопоставлениям: «...диалектика физической науки уже в силу того факта, что она оказывается действующей между более сближенными менее разнородными полюсами, представляется нам более поучительной, чем массивная диалектика традиционной философии»; «следует заложить основы онтологии дополнительного, в диалектическом отношении менее жесткие, чем метафизика противоречивого» [1, с. 38–39]. Дело не в том, конечно, что подобные сравнения – на основании большей или меньшей жесткости интеллектуальных форм принципиально невозможны – а в том, что в силу разницы между предметом метафизики (философии) противоречия и предметом новейшей физи-

ки, последняя как конкретнаучная сфера имеет возможность действовать в режиме более мягкого перехода между противоположностями, т. е. дополнительности крайних различий, и в конечном счете более конкретно реализовывать диалектику противоположностей. Это не означает, однако, будто метафизика противоречивого не содержит в себе концептуальных возможностей «смягчения» в движении мыслящего духа от одной противоположности к другой. Она как раз и имеет в виду не лобовое мышление противоположностями и противоречиями, а мыслительное движение в пространстве между противоположными началами и, кроме того, между разными типами контрарности, содействуя диалектизации представлений о реальности и совершенствованию научного метода. Таким образом, более глубоко и органично истолковывается диалектичность познаваемого фрагмента реальности и природа самой противоречивости духа.

В плане содействия такой диалектизации имеет смысл обратить внимание на реализацию универсальных противоречивых форм, используя при этом самые общие лингво-семиотические представления ****. Речь идет о систематической и нормативной сторонах формирования представлений об универсальных контрарных оппозициях. При этом под системой имеется в виду общая разработка смысла оппозиций в рамках конкретных наук и философии, а под нормой – конкретная обновленная реализация той или иной оппозиции.

Прежде всего, приходится отметить, что ход системной разработки оппозиций не носил какого-то однозначного характера. Об этом говорят хотя бы следующие факты развития науки. Классическая формальная логика, арифметика, классическая физика радикально реализовали законы, запрещающие противоречие. Причем в математике только в XVII в. в рамках требования тождественности формальных преобразований укореняется представление о правомерности отрица-

тельных чисел, что фактически означает признание контрарности в исчислениях. А это содействует дальнейшему прогрессу математики. XIX в. и начало XX в. порождают новые математические теории пространства (неевклидовы геометрии), контрарные системе Евклида. Ф. В. Й. Шеллинг с позиций своего трансцендентального учения о противоречивом универсальном развитии делает нормативное предложение о снятии полемики между сторонниками контрарных теорий природы света – корпускулярной и волновой – и совмещении их в единой теории. И, наконец, Г. В. Ф. Гегель разрабатывает систематическое учение диалектической логики, которая получила поддержку и дальнейшее развитие в марксистской философской традиции. По сути дела, в очерченный период происходит смена научных теорий замкнутого характера, «непротиворечивая противоречивость» которых воспринимается как нечто духовно окончательное, континуумом взаимно противоречащих и в то же время совмещающихся научных систем, на определенных основаниях дополняющих друг друга. А становление в XX в. квантовой механики ознаменовало собой результат совмещения системной диалектики противоречия с вещно-процессуальным пониманием реальности в режиме функциональной вероятности и с новыми нормативными теориями пространства – времени, что в свою очередь обозначило пути дальнейшего развития нормативных естественнонаучных теорий. К этому следует добавить и разработку неклассических логических исчислений, модифицирующих законы классической формальной логики. В ходе этого изменялась и продолжает изменяться языковая система диалектики, стимулируя более точную «настройку» языков конкретных наук на познаваемый объект.

Таким образом, о философской теории противоречий (всеобщих форм противоречий) есть все основания говорить как об интеллектуальной суперпарадигме. В свете это-

го задачей и способом развития конкретных наук является разработка нормативных конкретных вариантов суперпарадигмы с целью более эффективного «вычерпывания» сущности объективного бытия. Метафизическая суперпарадигма содержит массу возможностей, которые могут войти в проекты научной реализации и сами эти реализации в виде нормативных преобразований и новаций в области как естествознания, так и социально-гуманитарных наук.

В то же время и в самой философии могут предприниматься и предпринимаются нормативные разработки суперпарадигмы, хотя в целом ряде случаев они претендуют на роль самой суперпарадигмы.

Порождаемые новые формы в рамках парадигм и суперпарадигмы могут носить пробный, в том числе искажающий действительность, характер (это касается как естествознания, так и социально-гуманитарных исследований), поэтому доверительность к теоретическим схемам в области интеллектуального производства определяется в конечном счете весьма непростыми взаимоотношениями науки и философии, науки и практики, науки и технологии.

Надо заметить, что взгляд на общую теорию противоречий как на разновидность семантической парадигмы вовсе не означает (как это явствует из сказанного выше) какой-то ее канонизации. Уже в самой абстрактной форме предельная семантическая контрарность демонстрирует продуктивность в разрешении дилеммы реализма – субъективизма. Первый, как известно, склонен однозначно отождествлять семантику языковых построений со свойствами воспроизводимых объектов. Второй, напротив, доводит интеллектуально-языковую активность субъекта до абсолютного конвенционализма и агностицизма. Доступные примеры демонстрируют теоретически удовлетворительную форму разрешения этой дилеммы. Так, необходимость фиксирования степени нагретости тел привела в физике теплоты к конструиро-

ванию термометра с положительной и отрицательной областями шкалы. Положительность и отрицательность шкалы – это теоретическая и технологическая абстракция, что и подтверждается разнообразием температурных шкал. Однако существует противоположность возможностей излучения и поглощения тепла в разных условиях разными системами, составляющая основание второго начала термодинамики.

Далее в теории электричества на конвенциональных началах введено различие положительного и отрицательного зарядов, которое впоследствии позволило идентифицировать частицы-носители этих противоположных зарядов, и, согласно электронной теории, электрический ток как процесс истолковывается как движение электронов вследствие разности потенциалов, т. е. от минуса к плюсу. В то же время технически и технологически принято направление тока от положительного полюса к отрицательному (объективность с точностью до наоборот!). Однако для существенного основания электрического движения – разности потенциалов – это оказывается в известной мере без-

различным. Все это показывает, что научный язык допускает высокие нормы «немешающего» и конструктивного типов конвенционализма, которые не только не вредят воспроизведению действительных процессов, но и обеспечивают интеллектуальную и операционную свободу субъекту. Но если сказанное верно для относительно «прозрачных» форм интеллектуального контакта субъекта с реальностью, то тем более будет верным утверждение, что еще более свободным и диалектичным такой контакт становится в сложных, системных теоретических областях (современные физико-математические теории, математические и логические разработки) и т. п.

В заключение подчеркнем, что лингво-семиотический подход к истолкованию методов и средств воспроизведения научными системами познаваемого объекта способен дать такие новые характеристики и квалификации, которые небезынтересны в плане развития эпистемологии, теории познания, философии науки. При этом положительно доосмысленной окажется роль бинарных оппозиций как необходимого конструктивного компонента знания.

ПРИМЕЧАНИЯ

* См., например: *Дубровский Д. И.* Проблема идеального. Субъективная реальность. М.: Канон +, 2002. 368 с.; *Стиркин А. Г.* Сознание и самосознание. М.: Политиздат, 1972. 303 с.

** С подробными характеристиками разнообразных лингвофилософских концепций можно познакомиться, в частности, по изданиям: *Аллатов В. М.* История лингвистических учений. М.: Языки славянской культуры, 2005. 368 с.; *Березин Ф. М.* История лингвистических учений. М.: Высш. школа, 1984. 320 с.; *Дегутис А.* Язык, мышление, действительность. Вильнюс: Минтис, 1984. 185 с.

*** См., например: *Башляр Г.* Новый рационализм. М.: Прогресс, 1987. 376 с.; *Зотов А. Ф.* Предисловие // Башляр Г. Новый рационализм. М.: Прогресс, 1987. С. 5–27.

**** Некоторый опыт такого подхода в методологической литературе уже имеется: см.: *Левин А. Е.* Семиотический подход к анализу структуры физических теорий // Проблемы истории и методологии научного познания. М.: Изд-во «Наука», 1974. С. 230–245.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Башляр Г.* Новый рационализм. М.: Прогресс. 367 с.
2. *Кислов Б. А.* Проблема оценки в марксистско-ленинской философии (вопросы теории и методологии). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 184 с.